

УДК 811.161.1:314 743
DOI 10.17223/18137083/67/22

Е. В. Евпак

Кемеровский государственный университет

**Русский язык в письменной речи
русских эмигрантов в славянских странах
(на материале частной переписки)***

Исследуется русский язык в письменной речи русских эмигрантов первой волны и их потомков в славянских странах (Чехословакия, Чехия и Словакия) через портретирование отдельных личностей русских переселенцев на материале частной переписки. Актуализируется важность подключения естественной письменной речи для моделирования речевых портретов русских эмигрантов. Особое внимание обращается на письменную речь эмигрантов первой волны разных поколений (родители – дети). Отмечается, что речевые практики и предпочтения определяются многими факторами: семейным воспитанием и личным окружением, языком, на котором получено образование в эмиграции, профессией, индивидуальными особенностями личности эмигранта; детерминированы они также языковой политикой страны эмиграции, языковой ситуацией и т. д.

Ключевые слова: русский язык, русское зарубежье, эмиграция, языковая личность, чешский язык, словацкий язык, персонoproстранство.

Антропоцентрическая парадигма современной гуманитаристики во многом определила вектор лингвистических исследований. Пристальное внимание лингвистического сообщества направлено на изучение личности, пребывающей в инокультурном пространстве (языковой личности), в эмиграции, на исследование форм языковой и культурной адаптации эмигранта и национальных диаспор [Фиалкова, 2005; Забродская, Эхала, 2010; Все мы дети..., 2016]. В 90-е гг. XX в. сложилось направление, всесторонне актуализирующее этот социальный феномен.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

Евпак Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; jevpak.72@mail.ru)

Термин «эмигрантология» и концепция этой науки были представлены польским ученым Л. Суханеком на XII Международном съезде славистов в Кракове в 1998 г. С этого времени эмигрантология как самостоятельная область гуманитаристики стала активно распространяться в славянских странах. Об эмигрантологии как науке шла речь на съездах славистов в Любляне (1998), Македонии (2008), Минске [Суханек, 2013]. Исследования Л. Суханека в определенной степени стимулировали научный интерес к эмигрантологической проблематике в славянских странах. На этом фоне заметно активизировалась отечественная лингвистическая наука (см.: [Грановская, 1995; 1998; 2005; Григорьева, 1998; Голубева-Монаткина, 1998; Язык русского зарубежья, 2001] и др.). Появились комплексные лингвистические труды по изучению русского зарубежья в отдельных странах (см.: [Язык русского зарубежья, 2001; Протасова, 2004; Оглезнева, 2009] и др.).

Основная цель данной работы заключается в том, чтобы исследовать язык русского зарубежья чехословацкого (чешско-словацкого) периода эмиграции через портретирование отдельных личностей русских эмигрантов первого поколения и их потомков на материале, прежде всего, частной переписки и показать важность подклевания естественной письменной речи (эпистолярная) для моделирования речевых портретов русских эмигрантов. Как прозорливо отметил Ю. Н. Караулов, «Русский язык зарубежья представляет собой необозримую и сложную тему – как в силу своего жанрово-стилевого и функционального разнообразия и в силу исторического напластования в нем структурных и социально-психологических черт, характеризующих разные “волны” эмиграции, так и в силу его территориального варьирования в зависимости от того или иного инонационального окружения. Анализ этих, как и других, здесь не названных, его особенностей – дело будущего, поскольку круг письменных источников для его изучения необычайно широк...» [Караулов, 1992, с. 5–6].

В нашем исследовании изучение русского языка в зарубежье осуществляется в рамках научной методологии московской школы функциональной социолингвистики [Язык русского зарубежья, 2001] и кемеровской научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка» [Голев, 2014; 2015]. Социолингвистический аспект исследования связан с речевым портретированием отдельных личностей русского зарубежья в части описания их письменной речи. Обращается внимание на ее особенности на всех уровнях языка, специфику речевого поведения с учетом личных и профессиональных свойств, особенностей биографии, условий освоения русского языка.

Методология кемеровской научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка» находит применение в описании личностного коммуникативного пространства русских эмигрантов, в создании типологии языковой личности эмигрантов на основе изучения их антропотекстов с учетом особенностей межъязыкового контактирования и подключением к языковой ситуации ментального компонента.

Некоторые аспекты деятельности русской эмиграции чехословацкого периода достаточно полно освещены в работах зарубежных и отечественных эмигрантологов (см.: [Кишкин, 1995; Savický, 1999; Korpřivová, 2001; Harbul'ová, 2001; Turá, 2006; Чумаков, 2008] и др.). Между тем исследований по изучению языка русского зарубежья в славянских странах на чехословацком (чешском и словацком материале) крайне мало.

Первая волна эмиграции может быть представлена людьми разных поколений, в том числе потомками, родившимися в зарубежье. В нашем материале первая волна эмиграции в Чехословакию (Чехию и Словакию) представлена частной перепиской А. А. Любимова, А. И. Бем, Н. Г. Михайловского, Н. Андрусовой. В качестве фактологической базы исследования выступают семейные архивы до-

черей А. А. Любимова, Н. Г. Михайловского, А. Н. Глебовой-Михайловской, Н. Н. Михайловской, Андрусовых, любезно предоставленные автору настоящей статьи. Материалом исследования являются письма разных типов (родительские, дружеские, письма родственникам, письма-благодарности) (всего десять писем).

Добрую память на словацкой земле оставил о себе А. А. Любимов. В 1998 г. по случаю 100-летия со дня его рождения Министерство образования Словацкой Республики приняло предложение г. Медзилаборце о присвоении его имени художественной школе, в стенах которой размещалась музыкальная школа, основанная в свое время А. А. Любимовым, бывшим затем много лет ее директором. А. А. Любимов родился в 1898 г. в станице Казанская-на-Дону в крестьянской семье. Окончил гимназию в Таганроге, учился в военном училище. Принимал участие в освобождении Украины от польских оккупантов. С боями дошел до Варшавы, где попал в плен. В 1921 г. оказался в Чехословакии, в Праге. В 1925 г. окончил Институт торговли. Во время учебы А. А. Любимов познакомился с русинскими студентами из Закарпатья, которые рассказали ему о тяжелой жизни местного населения, о проблемах с получением образования. Дальнейшая судьба А. А. Любимова связана с преподавательской деятельностью в русинской области Словакии. Свою учительскую деятельность он начал в сельской местности: работал учителем в Олшинкове, Ольце, Калинове, Чертижном. После Второй мировой войны А. А. Любимов преподавал в Русской гимназии в г. Гуменне, а в 1950–1953 гг. – в Педагогической гимназии в г. Медзилаборце. А. А. Любимов был одним из основателей Первого профессионального украинского художественного ансамбля песни и пляски в г. Медзилаборце и художественным руководителем оркестра. В 1955 г. работал в университете им. Я. А. Коменского в г. Братиславе на кафедре русского языка и литературы. А. А. Любимов, по мнению его учеников, сумел хорошо понять потребности и интересы местного русинского и украинского населения Восточной Словакии. Всю жизнь он неутомимо работал на его благо. Во время Второй мировой войны А. А. Любимов помогал антифашистам и партизанам. Умер А. А. Любимов в 1976 г. в Словакии [Галайда, 1980; Чумаков, 2008].

Эмигрантский эпистолярный А. А. Любимова представлен личными (родительскими) письмами, написанными А. А. Любимовым своим дочерям (всего три письма).

Личное письмо, по мнению Т. Г. Рабенко, обладает рядом инвариантных признаков:

1) моноавторство. «В ситуации создания личного письма автор выступает как частное лицо, носитель социально-демографической роли (родитель, отец, мать, муж, жена и т. д.): *Дорогая Верочка!; Папа; Целуем папа и мама;*

2) эксплицированность автора. «Автор вписан в эпистолярный текст, где он репрезентирует себя, свою жизнь, свои взгляды, мнения и пр.»: *В публице не смейшь никого видеть и никаких сладких улыбок не рассылать;*

3) альтерадресация. «Доминирующим для личного письма типом адресата является частное лицо, с которым автор находится в родственных либо дружеских отношениях»: *Милая Веронька; Относительно тебя мы делали правильное предположение, а вот насчет Любы не можем найти объяснения;*

4) «диалогичность как следствие альтерадресации, реализуемая за счет контактоустанавливающих средств, прежде всего обращений, вопросов»: *Дорогая Верочка!; Поняла?;*

5) «особость» формально-композиционной структуры: трехчастность структуры, наличие этикетной рамки: *Дорогая Верочка!; Папа; Целуем папа и мама;*

6) фатическая функция как основная, функция поддержания родственных или дружеских отношений. «Описание реальных событий частной жизни, докумен-

тальность»: *Дорогая Верочка! Мы три раза ходили встречать тебя*¹ [Рабенко, 2017, с. 192].

Родительский эпистолярный А. А. Любимова реализует ряд интенций родительского совета:

По поводу твоего первого выступления мне хочется сказать тебе несколько слов, чтобы они запали тебе в душу и навсегда определили твоё отношение к исполняемому и твое поведение на сцене. Музыкант-исполнитель является посредником между композитором между композитором и слушателями. Святой обязанностью исполнителя является показать образ произведения так, как его представлял себе композитор (насколько, конечно, это доступно исполнителю. Это очень почетная и весьма ответственная задача (Из письма А. А. Любимова Вере Любимовой, Межилаборцы, 22 мая 1956 г.).

Эпистолярный А. А. Любимова отличается уникальностью лексики, синтезом элементов разных функциональных стилей, графической маркированностью значимых участков текста, обозначением местных реалий. В письме от 16 ноября 1947 г. обращает на себя внимание слово *фортопьяно* (ФОРТЕ нар. итал. музык. Сильно, громко, громче, пртвпл. піано. Форте(о)піано ср. нескл. и фортопіаны мн. ч. ... фортопіанщикъ, фортопіанний мастеръ (Даль, 1955, с. 538), ср.: «*ФОРТЕПИАНО и фортепьяно*» (Толковый словарь..., 2000, с. 1105). На наш взгляд, оно отражает начальный этап адаптации слова в одном из его вариантов. Письмо от 29 ноября 1962 г. отражает современный разговорный язык. Его лексика включает значительное число разговорных слов и выражений: *возня* (Ожегов, 1961, с. 89), *черкни* (Там же, с. 866), *навострила* (Там же, с. 362) и др. С точки зрения носителя современного русского языка вызывает интерес слово *телефонировал* (Там же, с. 780). Письма А. А. Любимова представляют научный интерес в контексте эмигрантских речевых практик: употребление ласкательных форм имени: *Верочка, Веронька* (этим подчеркивается трепетное отношение к семье в эмиграции, способствует укреплению семейных уз); способ адаптации местных реалий (словацких топонимов): *Межилаборцы, Пряшев* через «я» (влияние язычия); употребление слова *эвакуация* в значении *переезд*: *Если выйдет, прибеги посмотри на нашу эвакуацию...* (Межилаборцы, 22 мая 1956 г.). Представляет интерес письмо-благодарность (черновой вариант письма) Н. А. Чорной, написанное на церемонию открытия памятной доски в г. Прешове по случаю 100-летия со дня рождения А. А. Любимова. Это письмо носит полуофициальный характер. В письме эксплицируется социальный статус адресата, определены структурно-содержательная композиция канона, средства репрезентации персональной модальности.

Уважаемые директор (школы) и все преподаватели! Позвольте и нам, потомкам А. А. Любимова, еще раз выразить нам в Ваш адрес глубокую признательность и благодарность за то, что и спустя 60-лет от/с основания школы Вы не забываете и высоко цените ту роль, которую сыграл наш отец А. А. Любимов в основании школы.

Важным сигналом русского эмигрантского эпистолярного текста является метаязыковая рефлексия Н. Чорной:

Р. S. Пишем это письмо на родном языке нашего отца и нас – на русском языке. Предполагаем, что Вы все поймете! Прешов (дата в письме не обозначена. – Е. Е.).

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала.

Следует отметить, что авторская интенция *Предполагаем, что Вы все поймете!* адресована директору и учителям словацкой школы. В ней подчеркивается доверительность в отношениях между участниками коммуникативного события, сообщается об отсутствии языкового барьера. Все это свидетельствует о непрерывности культурно-языкового взаимодействия русских и словаков. Н. А. Чорна родилась в Словакии, по линии своего отца (А. А. Любимова) она потомок русских эмигрантов в первом поколении. Ее профессиональная деятельность была связана с преподаванием русского языка в школе. В ее языковом портфолио русский язык занимает главное место.

Вызывает интерес дружеское письмо А. И. Бем А. Н. Глебовой-Михайловской (письмо написано 2 октября 1936 г.). Как отмечает Н. И. Белунова, «для дружеского письма характерны не обращения-номинации, указывающие на социальный статус адресата, профессию и т. п., а адресные обращения, которые не только называют, квалифицируют адресата (что реализуется обычно именем собственным), но и выражают личное отношение адресанта к адресату и ориентированы на интенсификацию общения» [Белунова, 2000, с. 63]. *Дорогая Анна Николаевна!.. Я Вам еще напишу, а пока целую крепко. А. Бем.* В этом письме мы обратили внимание на способ передачи иноязычных вкраплений на языке страны проживания (падежные окончания чешских слов фиксируются в русской кириллице):

К сожалению, я не могу сейчас его проведать, м. б. на следующей неделе, если он не придет в воскресенье Альф. Людв. просил г. Кříčku похлопотать об Ники перед начальством, от которого это зависит. Кажется, и Ваш муж обращался к Кříčke.

По словам Е. А. Земской, «самые первые инновации в языке эмигрантов – лексические заимствования из языка окружения. Буквально через 3-4 года после появления в Европе первых русских послереволюционных беженцев С. Карцевский писал: «Беженецкий быт способствует формированию особого argot, в который входит значительное количество заимствований из языка той страны, где обосновалась данная категория эмигрантов. Было бы интересно и поучительно обследовать язык русских беженцев в разных странах» [Язык русского зарубежья, 2001, с. 1437]; «Для эмигрантов всех волн характерно включение в русскую речь иноязычных слов, прежде всего, когда соответствующее русское название отсутствует, не известно говорящему или иноязычное является более привычным» [Там же, с. 119]. Большой интерес в этом письме вызывает рефлексия А. И. Бем над чужой речью: *Он русский уже знает настолько, что его не забудет, а если он год потеряет, то это не страшно.* Как отмечает Л. М. Грановская, «в условиях эмиграции формирование личностного отношения к языку, рефлексия над своей и чужой речью – качества присущие духовно одаренным личностям, представляют несомненный интерес» [Грановская, 1998, с. 97]. В поле нашего зрения попали авторские сокращения *м. б., Альф. Людв., Г. Ник.*; краткие формы имен собственных: *Ника* (семейные имена обращения, определяющие дружескую модальность письма). В письме А. И. Бем речь идет о Н. Г. Михайловском, внуке известного русского писателя Н. Г. Гарина-Михайловского и сыне дипломата-эмигранта Г. Н. Гарина-Михайловского. Бесценным свидетельством эмигрантской эпохи чехословацкого (чешско-словацкого) периода является его эпистолярный. Н. Г. Михайловский родился в 1922 г. в г. Праге. Свои первые уроки русского языка получил в русской семье литературоведа А. Л. Бема. В 1932–1935 гг. учился в лучшей по тем временам русской гимназии в г. Моравска Тршебова, потом до 1937 г. в Праге. В 1941 г. окончил Словацкую реальную гимназию в Братиславе, в 1949 г. – химический факультет Высшей технической школы. В 1946 г. инженер Михайловский становится гражданином Чехословакии. До 1953 г. Н. Г. Михайловский работал в Научно-исследовательском институте пищевой промышленно-

сти, а до увольнения на пенсию – в Институте экспериментальной эндокринологии Словацкой академии наук. В 1960 г. ему была присуждена ученая степень кандидата наук. В последние годы жизни Н. Г. Михайловский выступал на «русских вечерах» перед соотечественниками с лекциями по истории эмиграции своей семьи, участвовал в конференциях, консультировал по эмигрантологии начинающих исследователей. Умер Н. Г. Михайловский в словацкой Братиславе в 2012 г. в возрасте 89 лет [Евпак, 2015]. В его письмах затрагиваются актуальные вопросы эмигрантской жизни: русская орфография в зарубежье, история русского языка, роль Церкви и церковнославянского языка в жизни русской диаспоры. В этом контексте обратим внимание на письмо автору данной статьи:

Дорогой Евгений Владимирович! Ваши статьи одни из первых Новой – Постсоветской России, с хвалебным отзывом о Русской белой эмиграции, сохранившей и свой язык, нравы, способы жизни и главным образом Веру и Православие. Посещение Церкви всех русских сильно объединяло и сыграло главную роль при сохранении руссизма. Вы пишете, что новую орфографию разрабатывала Академия наук много лет до революции, но советское правительство ее обнародовало сразу в 1918 г. При этом надо уточнить, что в новой орфографии были изъяты письмена: «ять», твердый знак, двойное латинское «i» и кроме этого было введено во всей литературе писание имени «бог» с маленькой буквой, которое, при чтении классической и современной литературы, издаваемой в СССР, всегда возмущало мою маму и вызывало сильное негодование, а я считаю это даже кощунством. В эмигрантской литературе конечно слово «Бог» пишется с большой буквой (Из письма Н. Г. Михайловского Е. В. Евпаку, 9 января 2012 г., Братислава).

М. Раев писал: «Как и все эмигранты, русские за границей были консервативны в том смысле, что они стремились сохранить прошлое таким, каким они его понимали; они опасались, что всякое *aggiornamento* может изменить русское самосознание их детей. Этим объясняются жаркие споры о старой орфографии, будоражившие Русское Зарубежье...» [Раев, 1994, с. 68]. В письмах Н. Г. Михайловского можно увидеть небольшое количество заимствований из чешского и словацкого языков, которые используются для передачи местных реалий, а также вкрапления на немецком языке, которые уточняют исторические названия чехословацких (моравских) населенных пунктов (иногда иноязычные вкрапления передаются русской графикой):

Мор. Тржебова (когда-то *Mährisch Trübau*) небольшой (11 000 ж.) старинный городок, но хорошо сохранившийся – во времена I Чесл. Респ. Там жило 90 % немцев (Из письма Н. Г. Михайловского Н. Н. Михайловской, 20 декабря 2012 г.).

В этом видится отличие языка эмигрантов первой волны и их потомков от языка других волн, которое состоит в том, что им свойственно употребление иноязычных слов не только страны проживания, но и слов других языков. Это объясняется тем, что значительная часть старой эмиграции сохраняет многоязычие, в том числе в зависимости от образования, специфики контактного окружения и языковой ситуации. На малое количество заимствований в языке учеников русской гимназии в Моравская Тршебова указал в своем социолингвистическом исследовании «Из жизни языка социальных групп» известный чешский лингвист Л. В. Копецкий. Он описал язык учеников этого русского учебного заведения, отметив, что «в этом жаргоне было мало иноязычных заимствований» (см.: [Грановская, 1995, с. 45–46]). В письме от 16 августа 2000 г. мы обратили внимание на языковой оборот «недостаток сердца»: *Кроме этого наш Юрка заболел (не-*

достаток сердца и язва желудка) и три недели пролежал в больнице. По мнению лингвистов-эмигрантологов, подобные речевые обороты довольно часто встречаются в речевых практиках эмигрантов, что свидетельствует об утрате носителями знания таких оборотов. Эмигрантский дискурс Н. Г. Михайловского отличается высокой степенью политематичности, обращением к прецедентным текстам:

За это время мне удалось издать две статьи в нашем журнале «ВМЕСТЕ» – Общества союза русских в Словакии: 1/ «Кривань на словацких монетах ЕВРО и в повести Н. В. Гоголя» – ВМЕСТЕ, № 4/2008, стр. 28–29. Но это только короткое сообщение, как Гоголь величает в повести «Страшная месть» Словацкий символ – гору Кривань. Поэтому я решил переписать в компютер для моих родственников и знакомых весь эпилог этой повести из советской книги. Но мне пришлось всюду писать Бог с большим Б. /С маленьким б эпилог теряет смысл./... (Из письма Н. Г. Михайловского Е. В. Евпаку, 9 января 2012 г., Братислава).

Как языковая личность, Н. Г. Михайловский сформировался под воздействием семейной среды и естественно-культурного иноязычного окружения страны проживания (Чехословакия). Он в совершенстве владел чешским, словацким, немецким языками, изучал итальянский язык. Как было отмечено выше, свои первые уроки русского языка получил в русской семье литературоведа А. Л. Бема, учился в русской гимназии в г. Моравска Тршебова. Его мать, Анна Николаевна Глебова-Михайловская родилась в Петербурге, где окончила женскую гимназию Стоюнина и до революции два года училась на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В эмиграции подрабатывала частными уроками иностранных языков (преподавала русский и французский языки, до ухода на пенсию преподавала русский язык в средних учебных заведениях Братиславы). А. Н. Глебова-Михайловская была незаурядной творческой личностью: писала стихи, прозу (роман «Сестры Горбовы»), занималась рисованием. Семья Михайловских поддерживала дружеские контакты с творческой и технической интеллигенцией русского зарубежья: Н. О. Лосским, А. Л. и А. И. Бем, В. И. Вернадским, Н. Николиным, Н. Н. Карлинским и др. (см.: [Гарбульова, 2008]). Как вспоминает в одном из своих писем Н. Н. Михайловская, двоюродная сестра Н. Г. Михайловского:

Уважаемый Евгений, мы с моим двоюродным братом Никой встречались, когда он приезжал в Москву по служебным делам или с замечательной женой Анжелой, которую мы все полюбили. По их приглашению я гостила у них в Братиславе в 1987 году. Мы с Никой ездили в Прагу в гости, встречались с родными Анжелы и друзьями, ездили в Ружомберок, в Татры. Эта поездка оставила неизгладимые впечатления. Мы получали много красочных открыток от Анжелы, когда они ездили отдыхать, она хорошо владела русским языком, хотя была родом из Словении. Николай Георгиевич трудился до последнего дня и не терял интерес к этим делам. Он был светлым человеком и таким останется в памяти тех, кто его знал (Из письма Н. Н. Михайловской Е. В. Евпаку, 24 марта 2017 г.).

Николай Георгиевич был очень родственным и добрым ко всем нам, что было большим сюрпризом, тем более, что он родился и вырос вне России, но не потерял интерес к своей родине и России» (Из письма Н. Н. Михайловской Е. В. Евпаку, 25 марта 2017 г.).

Важные сведения о повседневной жизни русской диаспоры в Чехословакии содержит семейный эпистолярный Н. Андрусовой. Так, в письме Н. Андрусовой от 8 апреля 1980 г. нам удалось найти важный «сигнал», маркирующий авторскую

языковую рефлексию по поводу восприятия русскими чешских и словацких слов: ...в каталоге... я видела «прачки»... (словац. *práčka*, -у, в рус. яз. – ‘стиральная машина’) [Veľký slovensko-ruský slovník, 1986, s. 461]. В этой связи стоит обратить внимание на то, что «знание языков зарубежных славянских народов не получило столь широкого распространения. Вполне закономерно, что столкновение с чешским языком вызвало не мало трудностей среди эмигрантов. Историк С. Г. Пушкарев, приехавший в Чехословакию в 1921 г., вспоминал, как его поразили носильщики на пражском Вильсоновском вокзале, которые катили тележки с багажом и кричали: *Позор! Позор!* (рус. ‘осторожно, внимание’ (примеч. автора. – Е. Е.)). Вскоре С. Г. Пушкарев составил длинный список таких слов под заглавием “Словарь русско-чешских недоумений”. Эти же языковые парадоксы отметил Б. Н. Лосский: “Вспоминаются тоже и наши первые впечатления от чешского языка, поначалу показавшиеся нам смешным из-за расхождения смысла слов, построенных на общеславянских корнях, вроде *позор* ‘внимание’, *черствы* ‘свежий’, *рыхлы* ‘быстрый’, *запах* ‘вонь’, *вунь* ‘запах’, от нее *вонявки* ‘духи’ и т. п.”» [Ковалев, 2014, с. 104]. Еще один эпизод, на который мы обратили внимание в этом письме, – это мотив ностальгии. Надо сказать, что это явление в той или иной степени присутствует в сознании всех поколений эмигрантов и вербализуется в естественной письменной речи. Показательно в этом отношении письмо из личного архива Н. Андрусовой от 31 января 1961 г.:

Поездка в Сов. союз. может быть, если бы я очень наперла, меня бы пригласили, но вас вряд ли. Душевно я страстно стремлюсь повидать родину, но думаю мне это не по силам.

В заключение хотелось бы отметить, что «русская эмиграция в изгнании сформировала личностное отношение к языку, высказанное в тезисе: эмиграция не живет на родине, но она живет в родном языке, что важнее, чем все другое» [Грановская, 2005, с. 383]. По нашим наблюдениям, личностное отношение к языку у эмигрантов первой волны и их потомков особенно ярко проявляется в естественной письменной речи. Естественная письменная речь эмигрантов, представленная в письменном материале, показывает степень сохранности русского языка, равнодушное отношение эмигрантов к русскому языку, которое проявляется в рефлексиях над своей и чужой речью, культурный фон языковой личности (элитарность), уникальность эмигрантских речевых практик.

Результаты исследования позволяют сделать выводы: сохранению русского языка в зарубежье способствуют образованность, семейное воспитание, интерес к России, ее культуре, истории, национальным традициям, обучение на русском языке, наличие русского окружения, интенсивность и продолжительность языковых контактов на русском языке, связь с Россией, тип языковой личности, языковая политика страны проживания.

Список литературы

Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 140 с.

Все мы дети своего времени: истории жизни русских в Латвии / *Visi esamsava laikmeta bērni: krievu dzīvesstāsti Latvijā* / Сост. М. Зирните, М. Ассерецкова. Рига: Ин-т философии и социологии Латв. ун-та; Латв. ассоциация исследователей устной истории; *Dzīvesstāsts*, 2016. 411 с.

Галайда І. Олександр Андрійович Любимов. Пряшів: Дуклянські друк., 1980.

Гарбульова Л. Жизнь русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского в Словакии // Проблемы истории Русского зарубежья. 2008. Вып. 2. С. 177–189.

Голев Н. Д. Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1. М.: Ленанд, 2014. 640 с.

Голев Н. Д. Лингвоперсонологическое измерение речи русских переселенцев в зарубежье (методологические заметки) // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 62–45.

Голубева-Монаткина Н. И. О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи Дальнего Зарубежья) // Русистика сегодня. 1998. № 1-2. С. 88–97.

Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ, 1995. 176 с.

Грановская Л. М. Сергей Михайлович Волконский (1860–1937) // Русистика сегодня. 1998. № 1-2. С. 97–112.

Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX – начале XX в.: Очерки. М.: Элпис, 2005. 448 с.

Григорьева Т. М. Русская орфография в эмиграции // Русистика сегодня. 1998. № 1-2. С. 53–62.

Евпак Е. В. Значимые места в семейной летописи Гариных-Михайловских: Россия, эмиграция // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2015. № 2(62). С. 256–259.

Забродская А., Эхала М. Что для меня Эстония? Об этнолингвистической vitalityности русскоязычных // Диаспоры: Независимый науч. журн. 2010. № 1. С. 8–26.

Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5–19.

Кишкин Л. С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17–27.

Ковалев М. В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е годы: Исторические очерки. Саратов: Изд-во Саратов. гос. техн. ун-та, 2014. 154 с.

Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009.

Протасова Е. Ю. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб.: Златоуст, 2004. 308 с.

Рабенко Т. Г. Речевой жанр с позиций лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личное письмо») // Научный диалог. 2017. № 12. С. 189–199.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.

Суханек Л. Место антропологии в эмигрантологических исследованиях // Русское зарубежье и славянский мир. Белград, 2013. С. 12–22.

Фиалкова Л. Опыт адаптации в устных рассказах «русских» израильтянок // Диаспоры: Независимый науч. журн. 2005. № 1. С. 19–48.

Чумаков А. В. Россияне в Словакии. Stredná odborná škola polygrafická: Братислава, 2008. 172 с.

Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е. А. Земская. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. 496 с.

Harbul'ová E. Ruská migrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univ., 2001. 235 s.

Kopřivová A. Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952). Praha: Slovanská knihovna, 2001. 113 s.

Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914–1938. Praha: Akademia, 1999.

Турá L. Russische Literatur und Geisteswissenschaft in Bratislava (1920–1939). Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades der Philosophie aus der Studienrichtung Russisch eingereicht an der Universitat Wien: Wien, 2006. 153 S.

Список словарей

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ, 2000. Т. 4. 757 с.

Veľký slovensko-ruský slovník. T. III: diel P–Q. VEDA. Bratislava: Vydavat. Slovenskej akad. vied., 1986.

E. V. Evpak

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, jevpak.72@mail.ru

The Russian language in written speech of Russian emigrants in Slavic countries (based on private correspondence)

The paper studies the Russian language in the written speech of Russian emigrants of the first wave of emigration and their descendants in the Slavic countries (Czechoslovakia, Czech Republic, and Slovakia). The primary goal is to study the language of the Russian Diaspora of the Czechoslovak (Czech and Slovak) period of emigration by portraying the Russian emigrant individuals of the first generation and their descendants, mainly as exemplified in their private correspondence. Also, the work is to show the importance of involving the natural written speech for modeling speech portraits of Russian emigrants. Particular attention is drawn to the written speech of the first wave of emigrants of different generations (parents – children). Natural written speech of the first wave emigrants of Russian emigration shows the functioning of the Russian language outside its natural conditions for the century. It is noted that the representatives of the Russian Diaspora of the first wave of emigration and their descendants living in Czechoslovakia (the Czech Republic and Slovakia) over the course of the emigrant period (lifetime), sought to preserve the Russian language, national traditions, faith. Some of the emigrants are multilingual, including the languages acquired in the exile, with the dominance of the Russian language. Speech practices and preferences are determined by many factors: family upbringing and personal environment, the language in which the education was received in exile, profession, personal characteristics of the individual emigrant. They are also determined by the language policy of the country of emigration, linguistic situation, etc.

Keywords: Russian language, the Russian diaspora, emigration, linguistic personality, Czech, Slovak, personoprostranstvo.

DOI 10.17223/18137083/67/22

References

Belunova N. I. *Druzheskiye pis'ma tvorcheskoy intelligentsii kontsa XIX – nachala XX v. (Zhanr i tekst pisem)* [Friendly letters of creative intelligentsia of the late 19th – beginning of 20th century. (Genre and text of letters)]. St. Petersburg, SPbU Publ., 2000, 140 p.

Chumakov A. V. *Rossiyane v Slovakií* [Russians in Slovakia]. Stredná odborná škola polygrafická, Bratislava, 2008, 172 p.

- Fialkova L. Opyt adaptatsii v ustnykh rasskazakh "russkikh" izrail'tyanok [Experience of adaptation in oral tales of "Russian" Israeli women]. *Diaspory: Nezavisimyy nauch. Zhurn.* 2005, no. 1, pp. 19–48.
- Galayda I. *Oleksandr Andriyovich Lyubimov*. Pryashiv, Duklyans'ki druk., 1980.
- Garbul'ova L. Zhizn' russkogo diplomata Georgiya Nikolayevicha Garina-Mikhaylovskogo v Slovaki [Life of the Russian diplomat Georgy Nikolaevich Garin Mikhailovsky in Slovakia]. In: *Problemy istorii Russkogo zarubezh'ya* [Problems of the History of Russian Abroad]. 2008, iss. 2, pp. 177–189.
- Golev N. D. Mental'no-psikhologicheskiye aspekty tipologii yazykovoy lichnosti (k probleme vzaimootnosheniya yazykovogo i personnogo prostranstva) [Mental-psychological aspects of the typology of linguistic personality (on the problem of the relationship between linguistic and personal space)]. In: *Yazykovaya lichnost': Modelirovaniye, tipologiya, portretirovaniye. Sibirskaya lingvopersonologiya. Ch. 1* [Linguistic personality: Modeling, typology, portraying. Siberian linguistics. Pt 1]. Moscow, Lenand, 2014, 640 p.
- Golev N. D. Lingvopersonologicheskoye izmereniye rechi russkikh pereselentsev v zarubezh'ye (metodologicheskiye zametki) [Linguopersonological measurement of speech of Russian immigrants in foreign countries (methodological notes)]. *Bulletin of Kemerovo State Univ.* 2015, no. 4, pp. 62–45.
- Golubeva-Monatkina N. I. O staroemigrantskoy rechi (k tipologii sovremennoy russkoy rechi Dal'nego Zarubezh'ya) [On old-emigrant speech (on the typology of modern Russian speech of the Far Abroad)]. *Rusistika segodnya*. 1998, no. 1-2, pp. 88–97.
- Granovskaya L. M. *Russkiy yazyk v "rasseyanii"*. *Ocherki po yazyku russkoy emigratsii pervoy volny* [The Russian language in "the far-away". Essays on the language of the first wave of Russian emigration]. Moscow, IRYAZ, 1995, 176 p.
- Granovskaya L. M. Sergey Mikhaylovich Volkonskiy (1860–1937). *Rusistika segodnya*. 1998, no. 1-2, pp. 97–112.
- Granovskaya L. M. *Russkiy literaturnyy yazyk v kontse XIX – nachale XX v.: Ocherki* [The Russian literary language in the late 19th – early 20th century: Essays]. Moscow, Elpis, 2005, 448 p.
- Grigor'yeva T. M. Russkaya orfografiya v emigratsii [Russian orthography in emigration]. *Rusistika segodnya*. 1998, no. 1-2, pp. 53–62.
- Evpak E. V. Znachimyye mesta v semeynoy letopisi Garinykh-Mikhaylovskikh: Rossiya, emigratsiya [Significant places in the family chronicle of the Garin-Mikhailovskys: Russia, emigration]. *Bulletin of Kemerovo State Univ.* 2015, no. 2(62), pp. 256–259.
- Harbul'ová E. *Ruská migrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939)*. Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univ., 2001, 235 p.
- Karaulov Yu. N. O russkom yazyke zarubezh'ya [On the Russian language abroad]. *Voprosy jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1992, no. 6, pp. 5–19.
- Kishkin L. S. Russkaya emigratsiya v Prage: kul'turnaya zhizn' (1920–1930-e gody) [Russian Emigration in Prague: Cultural Life (1920–1930s)]. *Slavyanovedeniye*. 1995, no. 4, pp. 17–27.
- Kovalev M. V. *Povsednevnyaya zhizn' rossiyskoy emigratsii v Prage v 1920–1930-e gody: Istoricheskiye ocherki* [The daily life of the Russian emigration in Prague in the 1920–1930s: Historical essays]. Saratov, SSTU Publ., 2014, 154 p.
- Oglezneva E. A. *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'ye* [Russian language in the eastern countries]. Blagoveshchensk, AmSU Publ., 2009.
- Protasova E. Yu. *Fennorossy: zhizn' i upotrebleniye yazyka* [Fennorossy: life and language use]. St. Petersburg, Zlatoust, 2004, 308 p.
- Rabenko T. G. Rechevoy zhanr s poztsiy lingvisticheskoy variantologii (na materiale rechevogo zhanra "lichnoye pis'mo") [The speech genre from the position of linguistic variantology (on the material of the speech genre "personal letter")]. *Nauchnyy Dialog (Scientific Dialogue)*. 2017, no. 12, pp. 189–199.
- Rayev M. *Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy emigratsii. 1919–1939* [Russia abroad: a history of Russian emigration culture]. Moscow, Progress-Akademiya, 1994, 296 p.
- Sukhanek L. Mesto antropologii v emigrantologicheskikh issledovaniyakh [The place of anthropology in emigrant studies]. In: *Russkoye zarubezh'ye i slavyanskiy mir* [Russian foreign countries and the Slavic world]. Belgrad, 2013, pp. 12–22.
- Kopřivová A. *Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952)*. Praha, Slovanská knihovna, 2001, 113 p.
- Savický I. *Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914–1938*. Praha, Akademia, 1999.

Tupá L. *Russische Literatur und Geisteswissenschaft in Bratislava (1920–1939)*. Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades der Philosophie aus der Studienrichtung Russisch eingereicht an der Universität Wien. Wien, 2006, 153 p.

Vse my deti svoyego vremeni: istorii zhizni russkikh v Latvii [We are all children of our time: Russian life stories in Latvia]. M. Zirmite, M. Asseretskova (Comps). Riga, Inst. of Philosophy and Sociology of the Univ. of Latvia, Latvian association of oral history researchers, Dzīvesstāsts, 2016, 411 p.

Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshchiye protsessy i rechevyye portrety [Russian language abroad: General processes and speech portraits]. E. A. Zemskaya (Ed.). In: *Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh* [Languages of Slavic culture: Vienna Slavonic Almanac]. Moscow, Vena, 2001, 496 p.

Zabrodskaya A., Ekhalo M. Chto dlya menya Estoniya? Ob etnolingvisticheskoy vital'nosti russkoyazychnykh [What is Estonia for me? On the ethno-linguistic vitality of the Russian-speaking]. In: *Diaspory: Nezavisimyy nauch. Zhurn.* 2010, no. 1, pp. 8–26.

List of dictionaries

Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. T. 4* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language: in 4 vols, Vol. 4]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1955.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka. 4-e izd., ispr. i dop.* [Dictionary of the Russian language. 4th ed., rev. and enl.]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1961.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, AST, 2000, vol. 4, 757 p.

Velký slovensko-ruský slovník. Vol. 3: díl P–Q. VEDA. Bratislava, Vydavat. Slovenskej akad. vied., 1986.